

Васечко В.Ю. Идейное наследие Д.А. Дриля: становление русской уголовно-антропологической школы // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 161-185. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_161

УДК 343.9.018:340.125

DOI 10.17506/26867206_2024_24_2_161

Идейное наследие Д.А. Дриля: становление русской уголовно-антропологической школы

Вячеслав Юрьевич Васечко

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

*Поступила в редакцию 15.07.2024, поступила после рецензирования 19.07.2024,
принята к публикации 22.07.2024*

Целью статьи является осмысление творческого наследия Д.А. Дриля и принципов русской уголовно-антропологической школы конца XIX – начала XX столетий, у истоков которой он стоял, применительно к современному состоянию отечественной культуры и социально-гуманитарной науки. В качестве инструментов исследования используются историко-системный, ретроспективный и рационалистический методы. Делается акцент на том, что Д.А. Дриль и его последователи, активно заимствуя достижения европейских ученых своего времени (в области как естественных, так и социальных наук), двигались собственным путем, который диктовался спецификой российских правовых и социально-политических реалий, существенно отличающихся от того, что имело место на Западе. В своей критике так называемой классической школы уголовного права российский ученый-криминолог не копирует идеи Ч. Ломброзо и его сторонников, а четко дистанцируется от крайностей ломброзианцев. Он последовательно выступает за комплексное изучение человека, в том числе преступника, с привлечением арсенала самых разных научных дисциплин и является в этом отношении одним из провозвестников той междисциплинарной интеграции, которая все более становится одним из главных трендов современной науки. Близок Д.А. Дриль науке постнеклассической эпохи и своим нежеланием замыкаться в рамках чисто теоретического знания и убежденностью в необходимости тесного взаимодействия науки с иными формами освоения мира и личностной самореализации (правосудием, религией, нравственностью). Автор статьи приходит к выводу, что проблемы, волновавшие российское общество в эпоху Серебряного века, во многом сохраняют свою актуальность и в настоящее время. В этой связи знакомство с идеями Д.А. Дриля позволяет более адекватно обрисовать состояние, в котором находится

© Васечко В.Ю., 2024

наша страна сегодня, и лучше оценить перспективы ее ближайшего развития вообще и правоохранительной системы в частности.

Ключевые слова: Д.А. Дриль, уголовное право, русская уголовно-антропологическая школа, юридическая антропология, криминальная социология, естественно-научные методы в криминологии, междисциплинарная интеграция

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

The Ideological Legacy of Dmitry Dril: The Formation of the Russian Anthropological School of Criminal Law

Vyacheslav Yu. Vasechko

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia

E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

Received 15.07.2024, revised 19.07.2024, accepted 22.07.2024

Abstract. The purpose of this article is to comprehend the creative legacy of Dmitry A. Dril and the principles of the Russian anthropological school of criminal law of the late 19th and early 20th centuries, at the origins of which he stood, in relation to the current state of Russian culture and social and humanitarian science. The author uses the historical-systemic, retrospective and rationalistic methods as research tools. It is emphasized that Dmitry Dril and his followers, actively borrowing the achievements of European scientists of their time (in the field of both natural and social sciences), pursued their own path, dictated by the specifics of Russian legal and socio-political realities, which significantly differed from those in the West. In his critique of the so-called classical school of criminal law, the Russian criminologist does not copy the ideas of Cesare Lombroso and his adherents, but clearly distances himself from the extremes of Lombrosianism. He consciously advocates for the comprehensive study of humans, including criminals, drawing on a range of scientific disciplines, thereby heralding interdisciplinary integration, which is increasingly becoming one of the main trends in modern science. Dmitry Dril is aligned with post-non-classical science in his unwillingness to be confined to purely theoretical knowledge and his conviction of the necessity of close interaction of science and other forms of world exploration and personal self-realization (justice, religion, and morality). The article concludes that the concerns of the Russian society in the Silver Age era retain their relevance at the present time. In this regard, acquaintance with Dmitry Dril's ideas allows us to more adequately describe the state in which our country is today and to better assess the prospects for its immediate development in general and the law enforcement system in particular.

Keywords: Dmitry A. Dril, criminal law, Russian anthropological school of criminal law, legal anthropology, criminal sociology, methods of natural sciences in criminology, interdisciplinary integration

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the form of subsidies from the federal budget for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2024-639, dated July 12, 2024).

For citation: Vasechko V.Yu. The Ideological Legacy of Dmitry Dril: The Formation of the Russian Anthropological School of Criminal Law, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 161-185. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_161

Введение

Дмитрий Андреевич Дриль (1846–1910) – российский криминолог, магистр права, общепризнанный глава русской ветви *уголовно-антропологической школы*. Не будучи официально признанным при жизни в России, он тем не менее был широко известен на Западе, где криминологи и ученые социально-гуманитарного профиля в целом неизменно отзывались о нем с уважением и регулярно ссылались на его работы. Для многих мэтров западной юридической науки именно он был лицом российской криминологии или, по крайней мере, ее передовой части¹.

Подобно множеству других выдающихся деятелей российской гуманитарной науки, чья жизнь выпала на эпоху, получившую название Серебряного века, Д.А. Дриль был забыт в советское время, а его имя вычеркнуто из энциклопедий и словарей. Наблюдающееся ныне возрождение интереса к его личности и идеям, которое обозначили статья И.А. Голосенко (Голосенко 2002) и последующее переиздание его основных работ, следует рассматривать не просто как дань справедливости и запоздалое признание заслуг перед отечественной культурой и наукой, но и как свидетельство того, что многие проблемы, волновавшие некогда и самого ученого, и русское общество, не потеряли своей актуальности и сегодня.

Поскольку круг интересов Д.А. Дриля – профессиональных, академических, общественных – был чрезвычайно широк, неудивительно, что сегодня его имя фигурирует в самых разнообразных контекстах. Он упоминается в работах не только по истории социологии (как у И.А. Голосенко), но и по юридической и пенитенциарной психологии (Поздняков 2010; Кушнир 2021), при выяснении места криминологии в структуре юридического знания (Санксаев 2022), в исторических обзорах международных тюремных конгрессов (Бахарев 2021; Белова 2021) или функционирования в царской России органов, как сейчас бы сказали, социальной защиты (Горнов 2008) и даже в работах по архитектуре Санкт-Петербурга (Кириков 2008: 339-351) или дореволюционному быту (Семенова 2020). Имя ученого заслуженно успело войти и в отечественные учебники по криминологии (см., напр.: Козаченко, Корсаков 2024: 37). Тем важнее, по нашему мнению, проанализировать, каким образом отразился и преломился в его сознании и многогранной деятельности стиль и дух той сложной и своеобразной эпохи.

¹ По выражению одного из знакомых и соратников Д.А. Дриля, Европа ценила его «выше и лучше, чем его обездоленная родина» (Слобожанин 2010: 670).

При всей своей неординарности и даже уникальности Д.А. Дриль был человеком своего времени. То, что волновало и занимало тогдашнее общество, не могло не найти отклика в его научных интересах и чрезвычайно восприимчивой и отзывчивой душе. Данная проблема – взаимодействие и взаимовлияние индивидуального и социального (социокультурного) на примере одного из ведущих деятелей юридической теории и практики дореволюционной России – вполне достойна стать предметом отдельного рассмотрения. В настоящей статье мы проследим, как социальные реалии и научные веяния эпохи формировали мировоззрение, жизненные интересы Д.А. Дриля, и какова, в свою очередь, роль его собственной разноплановой деятельности в формировании русской культуры Серебряного века – ее интенций, ценностей, проектов, неповторимого облика в целом.

Краткая биография, общая характеристика научной и общественной деятельности, библиография

Несмотря на дворянское происхождение², Д.А. Дриль в детские и юношеские годы изведал нужду и собственным трудом зарабатывал на жизнь, работая, в частности, курьером. Он был вынужден уйти из пятого класса гимназии, а выпускной экзамен сдавал в Орле уже экстерном. В 1868 г. поступил на юридический факультет Московского университета, который успешно окончил в 1873 г. Параллельно проучился несколько лет на медицинском факультете и, хотя не окончил, получил знания по анатомии, физиологии, патологии, психиатрии, которые впоследствии широко использовал в своих работах, чем выгодно отличался от других юристов, обращавшихся к смежным с медициной темам.

Своим призванием Д.А. Дриль считал научную и преподавательскую работу, но из-за противодействия консервативной профессуры из числа коллег-юристов в 1879 г. потерял место в Московском университете. Его магистерская диссертация «Малолетние преступники» была отклонена в университете под предлогом ее скорее медицинского, нежели юридического характера. В 1884 г. Д.А. Дрилю все же удалось защитить свою работу в Харькове, получив степень магистра права. Однако его противники не успокоились и дошли до К.П. Победоносцева, игравшего важную роль при императорском дворе. Тот потребовал от харьковского юридического факультета объяснений. Вскоре допустивший защиту декан А.Н. Стоянов лишился должности. И хотя присужденную степень Д.А. Дрилю оставили, на его карьере произошедшее отразилось самым серьезным образом: распоряжением Министерства народного просвещения он был отстранен от чтения лекций и вообще от преподавательской работы³. Только в последние годы

² Его ближайшие предки были из малороссийских дворян, а мать – племянница М.Н. Загоскина, известного писателя, автора исторических романов.

³ Как полагал М.М. Ковалевский, в правящих сферах сложилось стойкое убеждение, что развиваемая Д.А. Дрилем «новая доктрина не может быть терпима в преподавании, так как она сводится к отрицанию карательной роли государства» (Ковалевский 2010: 684).

жизни, когда в стране появились частные вузы, он смог реализовать свою мечту и прочитал ряд курсов. На базе одного из них вышло его итоговое произведение – «Учение о преступности и мерах борьбы с нею», опубликованное уже посмертно, в 1912 г.

Зарабатывать на жизнь Д.А. Дрилю пришлось чиновничьей службой, сначала в Министерстве финансов, где он занимался статистикой, затем в Министерстве юстиции, сначала на должности юрисконсульта, затем старшего инспектора ревизионных поездок и, наконец, чиновника особых поручений V класса. Постоянно находясь в командировках и лично inspectируя тюрьмы и исправительные заведения, видя реальное положение дел в них, он получил хорошую возможность корректировать свои научные взгляды и параллельно предлагать для них более основательную аргументацию. Этим он выгодно отличается от многих своих соратников по цеху, которые часто строили свои теории о преступности и преступниках, ни разу в жизни не посетив тюрьмы.

В 1896 г. Д.А. Дриль совершил кругосветное путешествие, во время которого изучал работу пенитенциарной системы. После посещения тюрем Европы он сначала отправился в Новую Каледонию, затем на Сахалин и в Сибирь. Относительно Сахалина он пришел к однозначному выводу: система каторги и ссылки абсолютно не оправдана ни с экономической точки зрения (как колонизация новой территории), ни с точки зрения исправления преступников, возвращения их к нормальной законопослушной жизни. По сути, огромные государственные ресурсы не только разбазариваются, но и финансируют воспитание нового поколения преступников. В своих отчетах о командировке (Дриль 1898; Дриль 1899) чиновник Министерства юстиции настаивал на ликвидации сахалинской каторги или, как минимум, ее реорганизации. Очевидцы отмечали, что после этой инспекции положение каторжников облегчилось, а администрация стала вести себя менее жестоко и разнузданно. Однако, как известно, окончательно каторга на Сахалине была упразднена только после Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда южная половина острова оказалась под юрисдикцией Японии.

Но начальство Д.А. Дриля было недовольно предлагаемыми им решительными мерами, и в 1897 г. он был переведен в Главное тюремное управление на заведование делами воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних, где проработал последние 13 лет жизни. Помимо прямых инспекций, он вел обширную личную переписку с сотрудниками различных учреждений.

Д.А. Дриль регулярно представлял Россию на международных научных мероприятиях, в том числе выступал с докладами на всех конгрессах криминалистов, которые состоялись при его жизни (Антверпен, Рим, Париж, Брюссель и др.) (Люблинский 2010). Благодаря этим поездкам и хорошему знанию европейских языков он смог лично познакомиться со многими ведущими западными криминологами, в первую очередь уголовно-антропологической школы (Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Р. Гарофало и др.), в дискуссиях с которыми шлифовал и уточнял свои взгляды.

Помимо напряженной служебной работы, Д.А. Дриль вел активную общественную деятельность, среди которой выделим:

- основание совместно с выдающимся психиатром В.М. Бехтеревым Психоневрологического института;
- участие в создании Всероссийского общества народных университетов (правда, фактически такое общество было создано лишь в Санкт-Петербурге);
- работу в Русском обществе охранения народного здоровья и созданной им Комиссии по разработке устава лечебных заведений для алкоголиков;
- борьбу против того, чтобы «питейный доход» был одним из существенных источников государственного бюджета;
- организацию I Всероссийского съезда по борьбе с пьянством, прошедшего в Санкт-Петербурге с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г.;
- устройство дешевых и здоровых жилищ для рабочих по европейскому образцу⁴.

Не принадлежа ни к одной из появившихся в стране после 1905 г. политических партий, Д.А. Дриль считал себя западником в том смысле, что внимательно следил за европейскими культурными и правовыми новшествами и считал необходимым вводить их на родине. Был резким противником тогдашних русских националистов в лице Союза русского народа. Предупреждал о надвигающихся на Россию потрясениях и желал «свободного демократического строя». Одним из самых эффективных средств против засилия бюрократии, душащей любое живое дело, считал развертывание кооперативного движения по образцу Европы.

Современники и исследователи жизни и взглядов Д.А. Дриля подчеркивают, что в его представлении право, христианская религия и нравственность неразрывно связаны между собой. По его мнению, правоохранительная система и юридическая теория будут работать на пользу общества только тогда, когда будут проникнуты высокими религиозными и моральными идеалами. Вот его характерное высказывание: «Я люблю уголовную антропологию всеми силами моей души потому, что, изучая причины человеческой преступности, даже самые отдаленные, она с фактом в руках ясно и наглядно показывает обществу, что принцип общественной нравственности и идеалы – не пустые слова, а неизбежные следствия, или, правильнее, вывод из самих явлений общественной жизни»⁵.

Среди наиболее важных работ Д.А. Дриля выделим: «Малолетние преступники» (1884–1888), «Психофизические типы в их соотношении с преступностью и ее разновидностями» (1890), «Преступность и преступники»

⁴ К участию были привлечены даже члены царской семьи. В 1902 г. был учрежден устав Товарищества устройства и улучшения жилищ для нуждающегося трудящегося населения, а построенный в Санкт-Петербурге Гаванский рабочий городок получил после смерти Д.А. Дриля его имя.

⁵ Цит. по: (Щеглов 2010: 758).

(1895–1899)⁶, «Ссылка и каторга в России» (1898), «Ссылка во Франции и России» (1899), «Бродяжество и нищенство и меры борьбы с ними» (1899), «Этюды по педагогической психологии» (1907), «Уголовное право» (1909), «Учение о преступности и мерах борьбы с нею» (1912)⁷. Стоит также отметить статью (Дриль 1904), почти совпадающую по названию с известным трактатом Л.Н. Толстого и перекликающуюся с ним по содержанию: в ней выявляется тесная связь между борьбой с преступностью и за улучшение качества социальной жизни в целом, с одной стороны, и следованием принципам Евангелия, с другой.

Критика классической школы уголовного права и основные принципы уголовно-антропологической школы

Через все работы Д.А. Дриля красной нитью проходит критика так называемой классической школы уголовного права, которая господствует в сознании юристов, особенно юристов-практиков (прокуроров, судей, работников тюремно-исправительных учреждений), а также во многом формирует взгляды общества на обыденном уровне, одновременно отражая и воспроизводя их. Эта школа берет свое начало в древности и базируется на взгляде на преступника как абсолютно *порочное*, злонамеренное существо и на необходимости *отмщения* за совершенное им деяние. Несостоятельность подобных взглядов, их несоответствие запросам современной цивилизации демонстрирует уголовно-антропологическая школа, по оценкам которой классическая школа погрязла в отвлеченных формулах, абстрактных дефинициях, выявлении тончайших и при этом малосущественных различий. Зарывшись в книгах и ставя на место живых существ словесные этикетки, она выродилась в бесплодную схоластику, ушла от жизни, а жизнь, в свою очередь, ушла от нее⁸.

Основное содержание уголовно-антропологической концепции Д.А. Дриль формулирует в *семи принципах*, неоднократно воспроизводимых в его работах (Дриль 1890: viii–x; Дриль 2010а: 61–62; Дриль 2010б: 341–343)⁹.

⁶ Именно эту работу подробно анализирует философ В.С. Соловьев, во многом соглашаясь с его принципами, посылками и выводами, но в то же время давая им критическую оценку (Соловьев 2001: 117–134).

⁷ С 2006 г. «Преступность и преступники» и «Учение о преступности и мерах борьбы с нею» были несколько раз переизданы под одной обложкой издательством ИНФРА-М. Это стало первым изданием работ ученого за всю советскую и постсоветскую эпоху.

⁸ «Эта доктрина не основывается на многообразных, тщательно наблюдавшихся фактах. В ней нет надлежащих исследований, относящихся к области жизненных явлений, и потому творческая мысль авторов, занимающихся ее разработкой, вынуждена бродить в пространстве, почти свободном от фактов и точных наблюдений над ними, и пытаться создавать почти из ничего весьма сложное и обширное нечто. Отсюда бесконечные споры, многочисленные теории и в конечном результате не основанные на естественных законах логические построения» (Дриль 2010б: 338).

⁹ Эти же принципы перечисляет В.С. Соловьев, однако больше с тем, чтобы критически разобрать их (Соловьев 2001: 126–127).

1. Основная цель наказания – не отмщение, не возмездие, не устрашение и не репрессия как таковая, но *необходимость ограждения общества от зла преступления.*

2. Преступление есть одно из явлений объективного мира, оно совершается, как и все они, по законам природы. Поэтому и изучаться оно должно при помощи *точных научных методов с привлечением арсенала естественных наук*, прежде всего, антропологии, психологии, психиатрии, анатомии и физиологии. Борьба с преступностью и с преступлениями только тогда станет осмысленной и успешной, когда мы будем ясно и четко знать, что представляет собой наш противник.

3. Преступление есть результат взаимодействия особенностей психофизической организации индивида и внешних воздействий. Поэтому изучать необходимо *действительного преступника* в многочисленных разновидностях в целях определения наиболее действенных средств воздействия на него и ограждения общества от его вредоносной деятельности.

4. Преступник – это не только злодей и враг нормального общества. Его нужно рассматривать как в большей или меньшей степени несчастную, порочную, неуравновешенную и недостаточную («оскуделую») организацию, которая вследствие своей природы и предрасположенности мало приспособлена к борьбе за существование в легальных формах. Преступник – это не только мститель за нарушение правильности общественных отношений, но и *жертва* этого нарушения. Преступник (хотя этого обычно не понимают ни он сам, ни те, кто с ним непосредственно контактирует) – это «прежде всего несчастный, самой его порочностью и преступностью неминуемо осужденный на неудачи и страдания и заслуживающий не истязаний, а необходимой ему помощи для нравственного подъема и исправления» (Дриль 2010а: 72).

5. Причины преступления следует делить на: а) *ближайшие (непосредственные)* – порочность психофизиологической организации совершающего преступление лица, более или менее стойкие физические и психические особенности его натуры; б) *более отдаленные* – неблагоприятные внешние (прежде всего, бытовые, социальные и экономические) условия, под влиянием которых постепенно вырабатываются первые; в) *предрасполагающие*, под влиянием которых уже сложившиеся порочные индивиды «наталкиваются на преступления», то есть получают реальную возможность их совершения¹⁰.

6. Преступники и совершаемые ими преступления изучаются как естественно-общественные явления во всей совокупности их разнообразных факторов, даже наиболее отдаленных. Вопрос о преступности –

¹⁰ «...Для успешной борьбы с явлениями преступности, для их устранения необходимо устранять сами их причины, и притом не только ближайшие, но и более отдаленные и глубокие. Будут существовать и останутся неустранимыми причины – будут существовать, как и везде, и их необходимые следствия. Изъятия из этого непреложного правила немислимы, и общество, охватываемое слепым чувством мщения, поражая преступника, уподобляется неразумному ребенку, который, чувствуя боль от ушиба, яростно бьет и ломает неодушевленный предмет, о который он ушибся» (Дриль 2010б: 584).

часть «великого социального вопроса нашего времени». В ее развитии виновато и само общество, его учреждения («общество вполне заслуживает своих преступников»). Поэтому для успешной борьбы необходимы самые широкие *меры предупреждения и профилактики*, предполагающие радикальные социальные, правовые и экономические реформы.

7. Невозможно заранее определить качественно и количественно меры репрессии: наказание должно быть поставлено в зависимость от изучения индивидуальных особенностей лица, совершившего преступление. Причем усиленное внимание должно уделяться правильному воспитанию и перевоспитанию детей и подростков, особенно вступающих на путь преступления¹¹.

Криминология и естественные науки

По мнению Д.А. Дриля, в постановке уголовно-правовых вопросов на действительно научную почву российские юристы должны признать приоритет европейской науки. Именно на Западе впервые были подняты такие темы, как:

- существование объективных, биологических и психофизиологических, корней преступности;
- значение внешних ее факторов (социальных, экономических, бытовых, можно даже сказать культурных – связанных с образом жизни, традициями и привычками отдельных слоев населения);
- статистическая обработка количественных и качественных данных, характеризующих состояние и динамику преступности;
- необходимость учета личности преступника в деле определения наказания и исправления.

Российский криминолог ссылается на огромное количество европейских и американских авторов XVIII–XIX вв., в том числе незаслуженно, по его мнению, забытых. Он ратует за то, чтобы их работы переводились и издавались нашей стране. Это позволит отечественным юристам, да и обществу в целом, убедиться в архаичности и несостоятельности воззрений классической школы, выработать новый – гуманный и адекватный – взгляд на сущность преступности и действенные меры борьбы с ней. Те деятели, которые имеют по долгу службы дело с криминальным миром, должны подняться на современный уровень, достигнутый науками о человеке, освободиться от дремучего невежества в этих вопросах. Будущий прогресс уголовного законодательства, убежден Д.А. Дриль, возможен не иначе, как на почве открытий естественных дисциплин: только они, с их надежными методами наблюдения, опыта, а где возможно, и эксперимента, способны вывести уголовное право на действительно научный путь; тогда как клас-

¹¹ Как подчеркивали европейские просветители, начиная с Ч. Беккариа, Вольтера и др., «не жестокость мучений более надежно предупреждает преступления, а неизбежность наказания... Лучше предупреждать преступления, нежели их наказывать». Поэтому «усовершенствование воспитания – самое надежное, хотя и самое трудное средство сделать людей менее склонными ко злу» (Дриль 2010b: 268-269).

сическая школа с ее схоластикой, с ее методами, отставшими, как минимум, на 350 лет, «может только бесплодно блуждать в области переживаний седой старины да в области отвлеченных произвольных построений» (Дриль 2010b: 340).

Благодаря науке мы можем увидеть человека, пусть даже однозначно преступного, в его сложности, целостности и конкретности, а не частично, не однобоко и не абстрактно¹². Мы можем и должны пойти дальше примитивной констатации наличия у него «злого умысла» («злой воли») и понять, *что* он, собственно, из себя представляет и *чем* объективно является. Причем изучение мира преступности, как и изучение человека вообще, является благодатной почвой для налаживания тесных контактов между естественными и общественными науками, для осознания того, что между ними нет непреодолимой пропасти и что, только тесно взаимодействуя друг с другом, они смогут увидеть ограниченность и недостаточность собственных методов.

Неоценимое значение для науки об уголовном праве имеют достижения *психологии*, в том числе такой ее раздел, как *психопатология*. Она играет роль естественно-научного базиса для социальных наук, включая юриспруденцию и особенно криминологию. Психология открывает законы душевной жизни отдельного человека, а без этого невозможно открытие законов жизни множества людей или общества (Дриль 2010a: 114). Без опоры на психологию невозможно верное понимание социологических законов, управляющих действиями масс и определяющих форму и содержание социальных явлений и процессов (а преступность есть, безусловно, одно из таких явлений). Без учета психологического фактора нельзя уяснить смысл исторической эпохи в целом, отдельных исторических событий, а также причины стойкого, длительного существования отдельных сфер жизни общества, в том числе носящих откровенно асоциальный и антисоциальный характер.

Хотя Д.А. Дриль далек от отождествления преступного образа жизни и мысли с сумасшествием, он вслед за многими западными специалистами обращает внимание на то, что среди контингента преступников процент психических отклонений гораздо выше, чем среди населения в целом, и этот факт нельзя считать случайностью. Поэтому научное изучение психических болезней и выработка методов излечения (реабилитации, как сейчас принято говорить) душевнобольных, с одной стороны, и научные исследования преступности плюс поиск на этой основе средств к социальной реабилитации тех, кто преступил закон, с другой, – процессы взаимосвязанные. Если сегодняшние юристы продолжают

¹² В этой связи вспоминается известная работа Гегеля «Кто мыслит абстрактно?», где в качестве одной из характеристик обыденного образа мышления указывается именно абстрактно-упрощенный, односторонний взгляд публики на преступника, которого везут к месту казни: «Это и называется “мыслить абстрактно” – видеть в убийце только одно абстрактное – что он убийца и называнием такого качества уничтожать в нем все остальное, что составляет человеческое существо» (Гегель 1970: 392).

отмахиваться от психиатрической науки, игнорируют ее данные и инструментарий, они тем самым демонстрируют свою профессиональную несостоятельность.

Аналогия между преступником и психбольным идет достаточно далеко: в обоих случаях мы имеем дело с отклонением от нормы. И хотя очевидно, что грань между нормальным и патологическим (анормальным, ненормальным) состоянием трудноуловима и зачастую не может быть точно установлена, она, безусловно, существует. Поэтому, подобно психиатрии, которая понимает, что важно познать образ мысли и психику не только явно больных индивидов, но и так называемых психически здоровых людей, юридическая антропология должна изучать не только уже состоявшегося, «случившегося» преступника, но и так называемых честных людей. Чем точнее мы сможем определить, что такое норма (будь то медицинская или правовая), чем полнее будет наше знание о степенях нормальности и вариациях внутри нормы, тем точнее мы сможем установить, в каких случаях и по каким причинам норма переходит в патологию и что следует сделать, чтобы вернуть данного индивида к нормальной жизни¹³.

Юридическая антропология и психиатрия перекликаются, по мнению Д.А. Дриля, еще в одном отношении. Для психиатра чье-либо сумасшествие – это не просто отдельный медицинский факт, некий медицинский казус¹⁴, но и *психологический эксперимент*, освещающий тайники и темные места здоровой (будто бы) психической жизни (Дриль 2010а: 106). По такому же пути должны идти и честные, серьезные юристы: как бы ни были отвратительны преступления и сами преступники, это тоже своего рода эксперименты, поставленные природой, обществом и обстоятельствами. Усилия, приложенные для их познания, позволяют лучше увидеть, что не так в самом обществе и культуре, раскрыть объективные социальные корни, из ко-

¹³ «...Все преступные действия человека имеют свой источник в особенностях самочувствия этого человека, которые, в свою очередь, суть результаты наследственной передачи предшествовавшего развития, пережитых и переживаемых временных органических состояний... Между душевными болезнями, расстройствами и аномалиями, с одной стороны, и явлениями преступности, извращенности и порочности, с другой стороны, в *существе*, в *механизме* нет различий; имеются различия только в степенях, в комбинациях, а часто и в устойчивости явлений». Стало быть, заключает Дриль, должны быть и общие меры *предупреждения* этих явлений, меры *общественной гигиены*: «Не может и не должно быть различий в принципе и в средствах устранения или лечения тех и других. Руководящие идеи должны быть одни и те же. В той и другой категории прежде всего необходимо выяснить и определить субъективные причины болезни и преступности. Затем, основываясь на особенностях производящих причин, необходимо выбрать средства, наиболее соответствующие цели устранения этих причин. При этом необходимо применять эти средства без участия плохих советников: злобы и раздражения, как мы должны применять и все другие средства, направленные на устранение вредоносных факторов, действующих в окружающем нас мире» (Дриль 2010b: 587-588).

¹⁴ Показательно, что латинское *casus* весьма активно используется как врачами, так и юристами.

торых неизбежно, почти автоматически вырастают отдельные преступные субъекты и мир криминала в целом¹⁵.

Юридическая антропология и криминальная социология

В России у Д.А. Дриля нашлось немало единомышленников и последователей, которые развивали более частные аспекты его принципиальных установок: Л.Е. Владимиров (Владимиров 1902), П.Н. Тарновская (Тарновская 1902)¹⁶, Л.И. Шейнис (Шейнис 1903), В.Ф. Чиж (Чиж 1894; 1895), Н.С. Лобас (Лобас 1913) и др. Сюда же можно отнести психиатра В.М. Бехтерева, вместе с которым, как мы уже отмечали, Д.А. Дриль организовывал Психоневрологический институт. Поэтому вполне уместно говорить не просто о концепции отдельно взятого русского юриста, а о существовании целой *уголовно-антропологической школы* в дореволюционной России.

Однако и самому Д.А. Дрилю, и его соратникам приходилось постоянно отвечать на упреки в *биологизаторстве*, невнимании к социальным и духовным причинам преступности¹⁷. Повод для критики давали и некоторые радикальные последователи Ч. Ломброзо в Европе, заявлявшие, что для защиты общества от представителей «преступного типа» необходимы и допустимы (даже в превентивных целях, на основании лишь антропометрических характеристик) самые крайние меры типа смертной казни, кастрации или, как минимум, пожизненного заключения без права пересмотра дела. Для самого российского криминолога не было дилеммы между органикой (биологической наследственностью) и средой. По его мнению, биологические и социальные факторы преступности должны рассматриваться не как альтернативные и взаимоисключающие, а как примерно равные по значимости, в их синтезе. Противопоставление уголовно-антропологического и социологического подходов является «странным недоразумением и каким-то научным недосмотром», своего рода «вивисекцией» науки: «Если научный работник по необходимости односторонен, то наука, напротив, должна быть всестороння... Поведение и поступки человека – это равнодействующая усилий факторов двух категорий: особенностей психофизической природы деятеля и особенностей внешних воздействий, которым он подвергается. Определить сколько-нибудь точно и взвесить доли влияния каждой из этих двух категорий факторов невозможно. Поэтому

¹⁵ «Необходимо, чтобы в самом человеке существовали внутренние задерживающие моменты. Но много ли делается в направлении развития последних? Когда совершается преступление, общество приходит в беспокойство и считает нужным самозащититься. Но где оно было и что делало оно, когда нужно было приспособлять к жизни этого уже готовившегося преступника? И потом, что дает оно весьма многим в их жизни, следующей за периодом воспитания? Наибольший грех современных обществ состоит в том, что они слишком мало заставляют вибрировать в человеке хорошие и благородные чувства, а напротив возбуждают в нем изо дня в день чувства дурные» (Дриль 2010а: 75).

¹⁶ Врач по образованию, одна из первых в стране женщин-юристов.

¹⁷ Этот упрек звучал, в частности, в работах В.С. Соловьева.

при изучении человеческой преступности мы не должны односторонне следовать ни социальной, ни органической теории. Нам, очевидно, нужна социально-органическая теория. Эта теория именно и разрабатывается угловно-антропологической школой» (Дриль 2010b: 340-341).

Криминолог полагает, что развращающее влияние на людей оказывает жизнь в больших городах, причем с древних времен ситуация практически не изменилась. В современных городах, особенно мегаполисах Европы, Америки и России, мы имеем примерно то же, что было в императорском Риме:

- неудержимая погоня за наслаждениями, требующая все более утонченных средств;
- «всевозможные удобства и приятности для баловней судьбы и прожигателей жизни»;
- перенаселение и скученность, вызванные разорением деревень и переселением бывших крестьян и провинциалов в крупные города;
- массы безработных и нищих, живущих в отвратительных условиях;
- дороговизна продуктов и жилья;
- проституция, в том числе несовершеннолетних и малолетних, и родители, продающие своих детей в целях выживания, и т.д.

Все это закономерно ведет к «ужасной порче характеров», «извращению родового чувства» и, в конечном счете, подрывает современную цивилизацию, как некогда и цивилизации римлян, греков, египтян и др.

Отсюда понятны симпатии Д.А. Дриля к *социалистам*, которые обращали пристальное внимание общества на «язвы капитализма» и на этом основании выступали за коренные социально-экономические реформы. Ученый подробно рассказывает о деятельности Р. Оуэна, дает высокую оценку труду молодого Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», поддерживает программы европейских социал-демократов, особенно в части, касающейся улучшения условий жизни и быта трудящихся. Его удивляет, что современные люди, тщательно заботящиеся о выращивании растений, животных и птиц, не уделяют хотя бы такого же внимания воспитанию молодого поколения¹⁸.

В любом случае, заключает Д.А. Дриль, даже неблагоприятная наследственность не является для индивида роковым предопределением и не дает права ставить на нем клеймо асоциального элемента, однозначно предрешая его судьбу. Наследственность (генотип, как бы мы сказали сейчас) – это только *предрасположенность* к некоторому образу жизни и поведению, и даже если она явно негативна, ее вред может быть устранен или хотя бы минимизирован комбинированным влиянием социальных факторов.

¹⁸ «У меня есть небольшая книжечка Райта “Практическое птицеводство”. Знакомая с заботами, рекомендуемыми для воспитания домашних птиц и ухода за ними, становится даже как-то обидно, когда подумаешь об условиях воспитания массы детей рабочей бедноты» (Дриль 2010b: 594).

Наука – право – нравственность – религия

Образ мыслей Д.А. Дриля весьма созвучен современным эпистемологическим трендам постнеклассической науки в том отношении, что для него нет резкой демаркационной линии между наукой и иными сферами человеческого познания, деятельности и культуры. Научное, объективно истинное знание для него – это не нечто самодостаточное и самодовлеющее, а имеющее практическую ценность как руководство к действию. Ученый не просто отстраненно стремится изучить некое явление – он должен быть постоянно проникнут мыслью: как помочь реальному человеку, который не только становится источником страданий других людей, но и сам при этом страдает? Как вернуть его к нормальной, здоровой жизни? Изучая законы общественных явлений, наука исследует и различные человеческие типы, и внутренние и внешние условия, при которых эти типы формируются и развиваются. Это, в свою очередь, определяет социально-практическую ценность общественных наук, которые выступают «плодотворным источником совершенствования человеческих отношений, а чрез то и самого человека, и источником упорядочения жизни человечества согласно указаниям и требованиям науки» (Дриль 2010а: 115).

В этой связи нелепы адресуемые науке упреки в том, что, раскрывая причины негативных социальных явлений, она якобы подрывает нравственность, «уничтожает понятие долга и правосудия и оставляет обесцещенное общество безоружным среди развалин всех его основ». Да, наука утверждает, что данный преступник поступил именно так, как он должен был поступить, но «должен» не в смысле морального долга, а по причине определенных особенностей характера и условий окружающей обстановки. Однако признание этого отнюдь не означает, что репрессивные действия правосудия в отношении его персоны бессмысленны или аморальны: «...Антропологическая школа считает нужным применять меры репрессии не *за то*, а только *потому*, что человек оказался безнравственным и преступным, и притом *для того*, чтобы по возможности изменить его и приспособить к обществу, а в случае невозможности – обезопасить от него общество... Она знает, что преступление совершено и совершенно неслучайно и что в нем проявились вредоносные особенности личности, но она не гадает о том, мог или не мог данный преступник воздержаться и поступить иначе при данных условиях окружающей обстановки» (Дриль 2010а: 175).

Также Д.А. Дриль считает необходимым защищать антропологическую науку от обвинений в материализме, которые в дореволюционной России были равнозначны обвинению в безнравственности и атеизме и граничили с подозрением в политической неблагонадежности. Он с уважением относится к философии, особенно просветительской, но убежден, что у нее и науки задачи далеко не совпадающие. Его собственная философская позиция близка к позитивизму: наука не должна становиться ареной метафизических споров, которые часто вырождаются в беспредметные гадания и спекуляции. Она «имеет свою особую задачу – всестороннее

изучение преступника во всех его особенностях, как психических, так и физических... Поэтому учения уголовно-антропологической школы одинаково согласимы с различными общими мировоззрениями» (Дриль 2010а: 174).

Однако, не решая непосредственно философских проблем, наука не дистанцируется от проблем социальных, способствуя их правильному пониманию и разрешению, предвидя будущие процессы и работая тем самым на перспективу: «Преступление есть факт прошлого, а в области уголовного права по поводу прошлого нужно глядеть в будущее и, руководствуясь указаниями прошлого, нужно стремиться обезопасить и упорядочить это будущее. Меры репрессий – меры для будущего, которые поэтому и не могут нормироваться только по прошлому» (Дриль 2010а: 177-178). Очевидно, речь идет о том, что сейчас именуется *футурологической функцией* науки.

Именно с точки зрения науки несомненна архаичность и по большому счету бессмысленность понятий уголовной ответственности и вменяемости. Они являются пережитком теории отщепенца (возмездия), которая идет из эпохи первобытной дикости и которая была (и остается) продуктом невежества и примитивных человеческих страстей. Пока эти понятия будут доминировать в сознании судей и правоохранителей в вопросе определения реакции общества на преступление, мы не сдвинемся с мертвой точки, всегда будем действовать постфактум, оставаясь в позиции обороняющихся. Благодаря же выводам уголовно-антропологической школы «устраняются... понятия об уголовной ответственности и вменяемости, заменяясь понятием о выборе наиболее целесообразных мер для возможно большего исправления преступника, с одной стороны, мерами перевоспитания, а с другой – и мерами лечения в собственном смысле... Устрашением же и мерами жестокости можно создавать диких зверей, но не возрождать человека, предназначенного жить в обществе себе подобных и возможно более приспособляться к условиям жизни в нем» (Дриль 2010б: 589). Наука, помимо прочего, определяет, какими конкретно должны быть «наиболее целесообразные меры».

Д.А. Дриль считает тупиковым стремление соразмерить, уравновесить наказание с совершенным индивидом преступлением. Эта калькуляция (чаще всего невозможная на практике) оставляет нас в плену прошлого, ограничивает возможности в плане исправления девиантов. Новая школа предлагает совершенно иной взгляд: «отказывается... от искания произвольных уравнений несоизмеримых в их существе зла преступления и зла наказания и задается по отношению к преступнику только разумно-утилитарными целями, которые вполне совпадают и с целями нравственными» (Дриль 2010а: 3). О соразмерности здесь можно говорить только в том смысле, что наказание «всегда должно быть соразмеряемо с природой преступника, со степенью его развращения и должно быть продолжаемо до его достаточного изменения, для чего, очевидно, необходимо условное заключение, т.е. заключение, не определяемое наперед в своей длительности и могущее продолжаться до исправления осуждаемого» (Дриль 2010а: 55).

Утилитарно-прагматический подход к криминологическим проблемам вполне сочетается не только с требованиями *морали*, но и *религии*¹⁹, о чем Д.А. Дриль как верующий христианин не устает напоминать, не понимая тех, кто думает, что Евангелие, например, само по себе, а жизнь, в том числе отправление государственных дел и правосудия, совсем другое. «Существует великая книга, известная нам с раннего детства. Книга эта – Евангелие, провозглашающее светлую, одухотворяющую религию мира и любви и дающее в руки основные, руководящие начала» в любом деле, в том числе в борьбе с преступностью. «К несчастью для недостаточно нравственно развившегося общества, начала эти плохо проводятся и осуществляются в жизни исповедниками Евангелия, а в отдельных случаях... они путем изворотливых толкований, к которым так склонен заинтересованный ум, даже открыто оспариваются в отношении их применимости к руководству государственно-общественной жизнью» (Дриль 2010b: 187).

Для ученого картина совершенно ясна: устранение понятий отмщения, возмездия, терроризирования и замена их на понятие спасительных мер, предназначенных оказывать целесообразные воздействия на психологию человека, «вполне совпадают с теми правилами, которые для тех же случаев нам диктуются учением Христа» (Дриль 2010b: 589). В его мировоззрении нет зазора между знанием и верой, наукой и моралью, они взаимосвязаны, проникают друг в друга. В определенном смысле можно говорить даже о том, что требование объективной истинности подчинилось у Д.А. Дриля требованиям нравственности. Один из его близких друзей вскоре после его смерти вспоминал: «Чувство любви, чувство симпатии даже к падшим и порочным натурам, стремление отыскать пути к их исправлению преобладали в нем и заслоняли объективный анализ явления... Он чувствовал, что к каким бы научным выводам мы ни приходили, эти оскуделые натуры являются обиженными судьбой, обиженными в громадном большинстве не за свои грехи, а за грехи других» (Щеглов 2010: 768). Другой соратник Д.А. Дриля, характеризуя его личность, говорил о том, что в современной литературе называется «космическим мироощущением» – о слиянии в сознании индивидуальной жизни с жизнью мировой, собственных, внутренних творческих сил с объективными творческими силами и процессами, действующими в человечестве и универсуме: «Он должен быть участником этих процессов, и не только в их зоологических течениях, но сознательно, своей деятельностью творить жизнь: содействовать людям в удовлетворении их жизненных потребностей, помогать им в использовании жизни, должен сеять вокруг себя добро и счастье, как источники своей жизни и жизни других. Тогда только он поднимется до великого значения венца природы, сознательно идущего по начертанному ему пути и исполняющего волю Великой Творческой Силы вселенной» (Слобожанин 2010: 670).

¹⁹ О происхождении, истории и актуальности религиозного взгляда на проблему обоснования социальных санкций в отношении лиц с девиантным поведением см.: (Корсаков 2015).

Д.А. Дриль отдавал себе отчет в том, что верность своим убеждениям может обернуться для него весьма неприятными последствиями. Он активно участвовал в благотворительных мероприятиях и ходатайствовал об улучшении условий содержания арестантов в тюрьмах и на каторге (что уже само по себе было нетипично для чиновника и вызывало недовольство начальства). Также он стремился помогать не только тем, кто обращался к нему по материальным, бытовым, служебным вопросам, но и тем, кто просил о заступничестве по политическим делам²⁰, что было далеко не безопасно: «Дмитрия Андреевича как “заступника” их (политических. – В.В.) нередко встречали холодно и даже с подозрением. Один из сановников весьма недвусмысленно намекнул ему как-то, что столь упорное заступничество, какое проявляет он, может окончиться для самого Дмитрия Андреевича довольно плохо» (Бехтерев 2010: 673). Однако он продолжал делать то, что считал нужным делать: одним добивался смягчения наказания, другим – улучшения условий ссылки, третьим – ускорения, выяснения или пересмотра дела и т.д., максимально используя свои юридические знания. «Он никому не отказывал в заступничестве, если только представлялась хоть малейшая возможность помочь, и хлопотал, несмотря ни на какие косые взгляды на него и неудовольствия. Он, по евангельскому выражению, возлюбил ближних своих, как самого себя, и не боялся душу свою положить за други своя. А “други” его были все нуждающиеся, все обездоленные, все несчастные. Для всех их открыл он свое любвеобильное сердце, всем глубоко заглядывал в душу и вместе с ними глубоко скорбел и страдал» (Бехтерев 2010: 673).

Кто препятствует гуманизации правосудия?

Не имея возможности свободно высказываться в подцензурной печати, Д.А. Дриль делится своими сокровенными мыслями в разговорах с друзьями. Вот отрывки из его писем последнего года жизни. Из Брюсселя: «По газетам с родины идут только сведения об усиливающейся холере. Да и о чем утешительном может поведать родина?! Как посравнишь с своим – горько и обидно становится... Сопоставишь и чудится, что здесь находишься на время в каком-то ином мире. Конечно, и здесь немало дряни, но все это в пределах определенной меры, а не так, что до бесчувствия...» (Слобожанин 2010: 664). Из Парижа, по поводу распространяющихся там «социальных опытов»: «Зародилось и распространяется движение в направлении нравственного обновления ...Ах ...хоть бы одним пальчиком удалось подействовать и одним глазком посмотреть! Нет, хороша бусурманщина!» (Слобожанин 2010: 664-665). Из Швейцарии, после описаний красот ее при-

²⁰ Если по отношению к основной массе уголовников мерами социального воздействия должны быть воспитание и лечение, «но никак не наказание, которое поддается лишь дурными инстинктами человеческой природы», то отношение к политическим должно быть иным: «Если же не от чего лечить и нет предмета для воспитания, как в преступлениях политического характера, то изолируйте, если угодно, но не вешайте и не казните: на это вы не имеете права!» (Бехтерев 2010: 730).

роды: «Прибавьте к этому чувство полной свободы и полного уважения к человеческой личности, и тогда характер настроения, вызываемого окружающими условиями, Вам выяснится вполне»; «Вы не можете себе представить, как мне больно за родину и с какой завистью (да, с завистью) я смотрю на Швейцарию, задавая себе горький вопрос: когда же и мы у себя устроимся подобно им?» (Слобожанин 2010: 665).

При всем своем идеализме и вере в возможность окончательной победы над преступностью Д.А. Дриль остается достаточно трезвым ученым и мыслителем, хорошо представляя себе не только масштабы проблемы, но и то, какие силы и почему стоят на пути ее решения. Будучи «чиновником при исполнении», он, естественно, не мог позволить себе открыто высказываться против начальства и тем более критиковать правящий режим. Тем не менее, сравнивая ситуацию в России и на Западе, он приходит к выводу, что главной силой, заинтересованной в сохранении статус-кво и препятствующей назревшим реформам, является *царская бюрократия*, причем гораздо более сильная, чем в цивилизованных европейских странах. Именно поэтому Д.А. Дриль сочувствует тем робким *демократическим преобразованиям*, которые начались после революции 1905–1907 гг., и надеется, что мы будем идти в том же направлении, что и Запад. Именно поэтому приветствует *кооперативное движение*, которое должно дать возможность пробудиться творческим силам народа и сломить могущество бюрократии.

Постоянно соприкасаясь с высшим чиновничеством и хорошо зная образ жизни и мыслей этих людей, их запросы и интересы, Д.А. Дриль не питает особых иллюзий²¹. Он видит, что репрессивная система устроена таким образом, что существование тюрем, каторги и ссылки в современном виде *выгодно* правящему слою, вполне устраивает его. Он констатирует, что «строй и система наших наказаний служат к развитию важных уголовных преступлений и понижают гражданскую нравственность или, говоря иначе... фабрикуют преступников за счет тех казенных и общественных сумм, которые не в малом числе затрачиваются на ссылку» (Дриль 1899: 172)²². Но при этом он хорошо понимает, что для тюремного начальства, включая столичное, это не является открытием²³. И низшая, и высшая администрация

²¹ Свидетельство М.М. Ковалевского: «Бюрократия стала внушать ему заслуженные опасения только с тех пор, как он сам попал в ее среду. Его последние разговоры со мной свидетельствовали о тяжелых впечатлениях, какие он вынес из своих поездок с целью осмотра тюрем и из того отношения, какое он встретил к предложенным им мерам со стороны местных губернаторов...» (Ковалевский 2010: 684).

²² Отзыв А.Ф. Кони: «Стойкий противник тюремной системы, которая, по остроумному выражению одного публициста (видимо, В.М. Дорошевича. – В.В.), лишает нашу тюрьму не только воспитательного, но и карательного значения, создавая из нее "питательный бульон для микробов преступности", Дриль собрал при своих ревизионных поездках богатейший материал для обрисовки темных сторон и несостоятельности этой системы в ее практическом применении» (Кони 2010: 676).

²³ Об этом ранее писал А.П. Чехов в книге «Остров Сахалин» и многие другие писатели и публицисты, начиная с «Записок из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского и заканчивая «Сахалином» В.М. Дорошевича.

прекрасно осведомлена об истинном положении дел; если она и пойдет на какие-то уступки и послабления, то только под достаточно сильным общественным давлением. Поэтому Д.А. Дриль рассматривает собственную активную общественную деятельность не просто как хобби или прихоть, но как необходимое звено, элемент борьбы, без которой никаких изменений к лучшему в работе пенитенциарной системы не произойдет.

Чем интересен Д.А. Дриль сегодня?

Несмотря на то что после смерти Д.А. Дриля прошло сто с лишним лет, нельзя говорить, что его идеи устарели или утратили свое значение. Если посмотреть на современность его глазами, открывается картина настоятельной потребности и даже неизбежности серьезных преобразований в данной сфере.

Про многих нынешних криминалистов можно сказать примерно то же, что и про их коллег времен Д.А. Дриля: они мало озабочены тем, чтобы *изучать и знать человека*, изучать закономерности его физической, интеллектуальной и психической жизни. По-прежнему справедливо его суждение: «... криминалист, зная правила кодексов, всего менее знает человека и законы, его жизнью управляющие» (Дриль 2010b: 290). И это неслучайно: удельный вес дисциплин, которые давали бы будущим юристам требуемые знания в данной области (например, «Психология в профессиональной деятельности юриста», «Юридическая антропология», «Судебная психиатрия», «Судебная (юридическая) медицина» и др.) крайне невелик, и они либо выносятся в элективный раздел, либо вообще не значатся в образовательных стандартах. Поэтому нет ничего удивительного в том, что иные юристы со стажем, к сожалению, даже порой кичатся тем, что знания такого рода их не интересуют: их активное неприятие данной тематики – следствие, скорее всего, того, что они просто не имеют о ней ясного представления.

Актуальным остается указание, что *репрессия в отношении преступника должна быть индивидуализированной, точной и адекватной* – не в смысле ее арифметического равенства преступлению, а в смысле эффективности как средства защиты общества от криминала²⁴. Такого рода индивидуализация очевидно требует радикальной перестройки работы судов и системы исправительно-трудовых учреждений, а это, насколько можно судить из данных СМИ, пока не стоит на повестке дня.

Также не потеряла значения идея о тюрьмах, которые устроены таким образом, что не являются исправительными учреждениями, а воспитательными выступают лишь в том смысле, что воспитывают новые поколения преступников. Сходство и различие нынешних российских

²⁴ Репрессивные меры «вследствие крайнего различия лиц, на которых они предназначены воздействовать, должны возможно индивидуализироваться для своей целесообразности, а потому и не могут допускать определения наперед... Меры репрессии, направленные на исправление, должны определяться не наугад, а по точным данным наблюдения и опыта» (Дриль 2010a: 177).

тюрем и тюрем времен Д.А. Дриля – это отдельный вопрос. Но очевидно, что сегодня тюрьмы часто продолжают выполнять роль школ, если не университетов, для новой генерации криминалитета. Об этом можно судить на основании журналистских расследований об условиях содержания заключенных и еще больше на основе статистических данных о рецидивной преступности (особенно с учетом того, что более подготовленные и квалифицированные преступники, как известно, гораздо хитрее, изощреннее, они лучше умеют скрываться от карающей длани закона и, как следствие, в эту статистику не попадают).

Негативное воздействие на заключенных, особенно на молодых и тем более несовершеннолетних, оказывают и *люди, которые надзирают за ними*. Д.А. Дриль отмечал: «К сожалению, в отношении подбора служебного персонала (как высшего, так и низшего) и его подготовки всего более грешат наши тюрьмы». И, показывая на примерах, что представляют собой, в частности, тюремные надзиратели на Сахалине, заключал: «Какое влияние можно ожидать от таких “перевоспитателей” – понятно само собой» (Дриль 2010b: 446)²⁵. Насколько отличаются (или не отличаются) нынешние надзиратели – тоже отдельная тема, но трудно поставить под сомнение тезис о том, что чем ниже моральный и культурный уровень тюремного персонала, тем тяжелее как для индивида, так и для общества последствия пребывания человека в тюрьме.

Весьма ценной следует считать идею о том, что *основой всей сложной целостности личности является ее общее психическое самочувствие*: это основной фон, на котором уже и рисуются все последующие узоры психической жизни. Чтобы понять и улучшить человека, нужно понять и правильно истолковать этот фон, его состав и структуру (Дриль 2010b: 584-585). Это фон носит бессознательный характер и потому зачастую скрыт от самого человека, но именно он во многом определяет и отдельные поступки, в том числе криминального характера, и саму судьбу человека. Те многообразные исследования сферы *бессознательного*, которые в полном объеме развернулись в Европе после появления работ З. Фрейда, имели предшественников в лице более ранних авторов, в том числе российского криминолога.

Д.А. Дриля (как и тех, на кого он ссылается²⁶) можно считать провозвестником идеи о том, что *нравственно-психические качества личности закладываются в детском и даже младенческом возрасте*: детские впечатления и переживания, ушедшие в подсознание, превратившись в инстинкты,

²⁵ Этой негативной оценке предшествует вполне ясное и рациональное требование: «...Для достижения успеха перевоспитывающих воздействий необходимо тщательно выбирать и готовить служебный персонал пенитенциариев, необходимо знакомить его теоретически и практически с тем делом, которому он посвящает свои силы. Без такого подготовленного и достаточно развитого персонала всякое дело, а это, конечно, в особенности, успешно идти не может» (Дриль 2010b: 445).

²⁶ Дж.Б. Томсон, П. Люка, Г. Модсли, П. Деспин, Р. Крафт-Эбинг, Б.-О. Морель, Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Р. Гарофало и др.

навсегда остаются с человеком и сопровождают его на протяжении всей жизни, будучи либо добрыми, либо злыми и опасными спутниками. Поэтому правильное воспитание должно исходить из этой органической основы и строиться на ней. Здесь нет абсолютного предопределения: человек вполне может бороться с «вредными чувственными тонациями» и преодолевать их, но ему нужна помощь в лице просвещенных и гуманных воспитателей и наставников (Щеглов 2010: 764-765).

Последующая история, в том числе отечественная, подтвердила еще один тезис Д.А. Дриля: именно *дурно уравновешенные натуры* (порочные, экзальтированные, эксцентричные) *задают социальный тон в период общественных потрясений* и выносятся революционной волной на самый верх политической иерархии (Дриль 2010а: 110-115). Эта мысль ценна, во-первых, в теоретическом отношении: если мы видим на высших государственных постах людей откровенно порочных и тем более с явными признаками психической неадекватности (иногда именуемой «харизмой»), это означает, что с данным государством, мягко говоря, не все в порядке, что оно само находится в кризисном состоянии и будет оставаться в таком виде, как минимум, до того времени, пока во главе не встанут более вменяемые люди. Во-вторых, в практическом отношении: если общество не хочет потрясений, не хочет турбулентности и непредсказуемости, оно должно внимательно относиться к таким субъектам, вовремя их останавливать (выявлять, изолировать, лечить, перенаправлять по возможности их энергию в социально приемлемое русло) и ни в коем случае не допускать до рычагов власти.

Итак, развиваемые Д.А. Дрилем идеи и выводы, к которым он приходит, не ограничиваются ни пространственно-временными (хронотоп царской России), ни научно-дисциплинарными (криминология), ни социально-культурными (преступность и борьба с ней) параметрами. Поднимаемые им вопросы касаются вещей, так или иначе волнующих все цивилизованное человечество. Знакомство с творческим наследием Д.А. Дриля желательное для любого нашего соотечественника и тем более для юристов-криминологов. В свете его идей более глубоко, объемно, целостно и даже выразительно вырисовывается кризисное состояние, в котором находится наша цивилизация, и те пути, которые могут оказаться наиболее оптимальными для выхода из него.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бахарев Д.В. 2021. Принципы криминальной антропологии: Дмитрий Дриль на III-м международном уголовно-антропологическом конгрессе // *Личность и общество в российской истории (к 350-летию со дня рождения Петра I) : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. Н.Ф. Чипиновой [и др.]*. Шадринск : ШГПУ. С. 129-135.

Белова Е.Ю. 2021. Международные тюремные конгрессы и пенитенциарная политика в отношении несовершеннолетних осужденных в дореволюционной России: некоторые аспекты // *Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России*. № 2. С. 9-15.

Бехтерев В.М. 2010. Объективно-психологический метод в применении к изучению преступности: памяти Д.А. Дриля // Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. Москва : ИНФРА-М. С. 686-730.

Владимиров Л.Е. 1901. Психологическое исследование в уголовном суде. Москва : Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон. 291 с.

Гегель Г.В.Ф. 1970. Кто мыслит абстрактно? // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет : в 2 т. Москва : Мысль. Т. 1. С. 387-394.

Голосенко И.А. 2002. «Социально-органическая» теория Д.А. Дриля и ее место в истории российской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 5, № 4. С. 15-31.

Горнов В.А. 2008. Из истории развития общественного призрения в российской социальной мысли второй половины XIX – начала XX века // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. № 3. С. 31-54.

Дриль Д.А. 1890. Психофизические типы в их соотношении с преступностью и ее разновидностями. Частная психология преступности. Москва : Типография А.И. Мамонтова. XII, 190 с.

Дриль Д.А. 1898. Ссылка и каторга в России (из личных наблюдений во время поездки в Приамурский край и Сибирь). Санкт-Петербург : Типография Правительствующего Сената. 46 с.

Дриль Д.А. 1899. Ссылка во Франции и России (из личных наблюдений во время поездки в Новую Каледонию, на о. Сахалин, в Приамурский край и Сибирь). Санкт-Петербург : Издание Л.Ф. Пантелеева. 174 с.

Дриль Д.А. 1904. Царствие Божие внутри нас (психолого-социологический этюд) // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. № 2. С. 1-16.

Дриль Д.А. 2010а. Преступность и преступники (уголовно-психологические этюды) // Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. Москва : ИНФРА-М. С. 3-179.

Дриль Д.А. 2010б. Учение о преступности и мерах борьбы с нею // Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. Москва : ИНФРА-М. С. 181-614.

Кириков Б.М. 2006. Архитектура Петербурга конца XIX – начала XX века: Эkleктика, Модерн, Неоклассицизм. Санкт-Петербург : Коло. 530 с.

Ковалевский М.М. 2010. Дмитрий Андреевич Дриль // Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. Москва : ИНФРА-М. С. 678-685.

Козаченко И.Я., Корсаков К.В. 2024. Криминология. Москва : Юрайт. 277 с.

Кони А.Ф. 2010. Памяти Д.А. Дриля // Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. Москва : ИНФРА-М. С. 674-677.

Корсаков К.В. 2015. Религиозный подход к преступлению и наказанию: от принципа талиона и кровной мести к доктрине покаяния // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 15, № 3. С. 147-159.

Кушнер С.И. 2022. К вопросу об истории пенитенциарной психологии в Европе // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях. Ч. 9 / под ред. С.П. Акутиной. Москва : Перо. С. 15-19.

Лобас Н.С. 1913. Убийцы: некоторые черты психофизики преступников. Москва : Типография товарищества И.Д. Сытина. 168 с.

Люблинский П.И. 2010. Д.А. Дриль как участник международных конгрессов // Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. Москва : ИНФРА-М. С. 751-755.

Поздняков В.М. 2010. Юридическая психология: генезис и перспективы // Прикладная юридическая психология. № 2. С. 15-37.

Санксаев Е.А. 2022. Влияние криминологии на развитие иных юридических наук криминального цикла // Вектор развития криминологии в XXI веке : материалы Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 30-летию Российской криминологической ассоциации / под ред. В.В. Меркурьева [и др.]. Владимир : ВлГУ. С. 142-147.

Семенова О.А. 2020. Дети прислуги в России в середине XIX – начале XX в. // Вестник Костромского государственного университета. Т. 26, № 3. С. 55-62. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-3-55-62

Слобожанин М. 2010. Черты из жизни и деятельности Д.А. Дриля // Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. Москва : ИНФРА-М. С. 615-673.

Соловьев В.С. 2001. Право и нравственность. Минск : Харвест ; Москва : АСТ. 192 с.

Тарновская П.Н. 1902. Женщины-убийцы: Антропологическое исследование. Санкт-Петербург : Товарищество художественной печати. 512 с.

Чиж В.Ф. 1894. Преступный человек перед судом врачебной науки. Казань : Типо-литография Императорского университета. 41 с.

Чиж В.Ф. 1895. Криминальная антропология. Одесса : Типография Исаковича. 52 с.

Шейнис Л.И. 1903. Биологические и социальные факторы преступности // Мир Божий. № 4. С. 168-187; № 5. С. 243-254.

Щелгов А.Л. 2010. Д.А. Дриль как криминалист-антрополог // Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. Москва : ИНФРА-М. С. 756-769.

References

Bakharev D.V. Principles of Criminal Anthropology: Dmitry Dril at the 3rd International Congress of Criminal Anthropology, *Chipinova N.F. et al. (eds.) Personality and Society in Russian History (to the 350th Anniversary of the Birth of Peter the Great): Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*, Shadrinsk, ShGPU, 2021, pp. 129-135. (In Russ.).

Bekhterev V.M. Objective Psychological Method in Application to the Study of Crime: In Memory of Dmitry Dril, *Dril D.A. Crime and Criminals. The Doctrine of Crime and Measures to Combat It*, Moscow, INFRA-M, 2010, pp. 686-730. (In Russ.).

Belova E.Yu. International Prison Congresses and Penitentiary Policy for Juvenile Convicts in Pre-Revolutionary Russia: Some Aspects, *Vestnik Tomskogo instituta povыsheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii* [Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia], 2021, no. 2, pp. 9-15. (In Russ.).

Cheinisse L. Biological and Social Factors of Crime, *Mir Bozhij* [The Peace of God], 1903, no. 4, pp. 168-187; no. 5, pp. 243-254. (In Russ.).

Chizh V.F. *A Criminal before the Court of Medical Science*, Kazan, Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1894, 41 p. (In Russ.).

Chizh V.F. *Criminal Anthropology*, Odessa, Tipografiya Isakovicha, 1895, 52 p. (In Russ.).

Dril D.A. Crime and Criminals (Criminal and Psychological Studies), *Dril D.A. Crime and Criminals. The Doctrine of Crime and Measures to Combat It*. Moscow, INFRA-M, 2010, pp. 3-179. (In Russ.).

Dril D.A. *Exile and Hard Labor in Russia (From Personal Observations During a Trip to the Amur Region and Siberia)*, Saint Petersburg, Tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata, 1898, 46 p. (In Russ.).

Dril D.A. *Exile in France and Russia (From Personal Observations During a Trip to New Caledonia, Sakhalin Island, Amur Region and Siberia)*, Saint Petersburg, Izdanie L.F. Panteleeva, 1899, 174 p. (In Russ.).

Dril D.A. *Psychophysical Types in Correlation with Crime and Its Varieties. Special Psychology of Crime*, Moscow, Tipografiya A.I. Mamontova, 1890, XII, 192 p. (In Russ.).

Dril D.A. The Doctrine of Crime and Measures to Combat It, *Dril D.A. Crime and Criminals. The Doctrine of Crime and Measures to Combat It*, Moscow, INFRA-M, 2010, pp. 181-614. (In Russ.).

Dril D.A. The Kingdom of God Is Within You (A Psychological and Sociological Study), *Vestnik psixologii, kriminal'noj antropologii i gipnotizma* [Annals of Psychology, Criminal Anthropology and Hypnotism], 1904, no. 2, pp. 1-16. (In Russ.).

Golosenko I.A. "Social-Organic" Theory of D. Dril and Its Place in the History of Russian Sociology, *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2002, vol. 5, no. 4, pp. 15-31. (In Russ.).

Gornov V.A. From the History of the Development of Public Charity in Russian Social Thought of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries, *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina* [Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Yesenin], 2008, no. 3, 31-54. (In Russ.).

Hegel G.W.F. Who Thinks Abstractly? *Hegel G.W.F. Works of Different Years in 2 volumes*, Moscow, Mysl', 1970, vol. 1, pp. 387-394. (In Russ.).

Kirikov B.M. *The Architecture of Petersburg in the Late 19th and Early 20th Centuries: Eclecticism, Art Nouveau, and Neoclassicism*, Saint Petersburg, Kolo, 2006, 530 p. (In Russ.).

Koni A.F. In memory of Dmitry Dril, *Dril D.A. Crime and Criminals. The Doctrine of Crime and Measures to Combat It*. Moscow, INFRA-M, 2010, pp. 674-677. (In Russ.).

Korsakov K.V. Religious Approach Towards Crime and Punishment: From Principle of Talion and Blood Feud to Doctrine of Repentance, *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk* [Research Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2015, vol. 15, no. 3, pp. 147-159. (In Russ.).

Kovalevsky M.M. Dmitry Andreevich Dril, *Dril D.A. Crime and Criminals. The Doctrine of Crime and Measures to Combat It*, Moscow, INFRA-M, 2010, pp. 678-685. (In Russ.).

Kozachenko I.Ya., Korsakov K.V. *Criminology*, Moscow, Yurayt, 2024, 277 p. (In Russ.).

Kushnir S.I. 2022. On the History of Penitentiary Psychology in Europe, *Akutina S.P. (ed.), Modern Studies in the Humanities and Natural Sciences. Part 9*, Moscow, Pero, pp. 15-19. In Russ.).

Lobas N.S. *Killers: Some Traits of the Psychophysics of Criminals*, Moscow, Tipografiya tovarishchestva I.D. Sytina, 1913, 168 p. (In Russ.).

Lublinsky P.I. Dmitry Dril as a Participant in International Congresses, *Dril D.A. Crime and Criminals. The Doctrine of Crime and Measures to Combat It*, Moscow, INFRA-M, 2010, pp. 751-755. (In Russ.).

Pozdnyakov V.M. Legal Psychology: Genesis and Prospects, *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya* [Applied Legal Psychology], 2010, no. 2, 15-37. (In Russ.).

Sanksaev E.A. The Influence of Criminology on the Development of Other Legal Sciences of the Criminal Cycle, *Merkuryev V.V. et al. (eds.) The Development Vector of Criminology in the 21st Century: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 30th Anniversary of the Russian Criminological Association*, Vladimir, VIGU, 2022, pp. 142-147. (In Russ.).

Semenova O.A. Children of Servants in Russia in the mid-19th – the Early 20th Century, *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2020, vol. 26, no. 3, pp. 55-62. (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-3-55-62

Shcheglov A.L. Dmitry Dril as a Forensic Anthropologist, *Dril D.A. Crime and Criminals. The Doctrine of Crime and Measures to Combat It*, Moscow, INFRA-M, 2010, pp. 756-769. (In Russ.).

Slobozhanin M. Features from the Life and Work of Dmitry Dril, *Dril D.A. Crime and Criminals. The Doctrine of Crime and Measures to Combat It*, Moscow, INFRA-M, 2010, pp. 615-673. (In Russ.).

Solovyev V.S. *Law and Morality*, Minsk, Harvest, Moscow, AST, 2001, 192 p. (In Russ.).

Tarnovskaya P.N. *Female Murderers: An Anthropological Study*, Saint Petersburg, Tovarishchestvo khudozhestvennoy pechati, 1902, 512 p. (In Russ.).

Vladimirov L.E. *Psychological Examination in Criminal Court*, Moscow, Tovarishchestvo skoropechatni A.A. Levenson, 1901, 291 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вячеслав Юрьевич Васечко

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;

ORCID: 0000-0002-1808-4404;

ResearcherID: K-2505-2018;

SPIN-код: 3610-5534;

E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav Yu. Vasechko

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;

ORCID: 0000-0002-1808-4404;

ResearcherID: K-2505-2018;

SPIN-code: 3610-5534;

E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru